

ГИЛБЕРТ К

ЧЕСТЕРТОН

1

- [Честертон Г. К.](#)
- [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
 - [Note6](#)
 - [Note7](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Неведение отца Брауна»](#)

Приятного чтения!

Честертон Г. К. Око Аполлона

Таинственная спутница Темзы, искрящаяся дымка, и плотная, и прозрачная сразу, светлела и сверкала все больше по мере того, как солнце поднималось над Вестминстером, а два человека шли по Вестминстерскому мосту. Один был высокий, другой — низенький, и мы, повинувшись причуде фантазии, могли бы сравнить их с гордой башней парламента и со смиренным, сутулым аббатством, тем более что низкорослый был в сутане. На языке же документов высокий звался Эркюлем Фламбо, занимался частным сыском и направлялся в свою новую контору, расположенную в новом многоквартирном доме напротив аббатства; а маленький звался отцом Дж. Брауном [1], служил в церкви св. Франциска Ксаверия [2] и, причастив умирающего, прибыл из Камберуэла, чтобы посмотреть контору своего друга.

Дом, где она помещалась, был высок, словно американский небоскреб, и по-американски оснащен безотказными лифтами и телефонами. Его только что достроили, заняты были три квартиры — над Фламбо, под Фламбо и его собственная; два верхних и три нижних этажа еще пустовали. Но тот, кто смотрел впервые на свежестроенную башню, удивлялся не этому. Леса почти совсем убрали, и на голой стене, прямо над окнами Фламбо, сверкал огромный, окна в три, золоченый глаз, окруженный золотыми лучами.

— Господи, что это? — спросил отец Браун и остановился.

— А, это новая вера! — засмеялся Фламбо. — Из тех, что отпускают нам грехи, потому что мы вообще безгрешны. Что-то вроде «Христианской науки» [3]. Надо мной живет некий Калон (это он себя так называет, фамилий таких нет!). Внизу, подо мной, — две машинистки, а наверху — этот бойкий краснобай. Он, видите ли, новый жрец Аполлона, солнцу поклоняется.

— Посмотрим на него, посмотрим... — сказал отец Браун. — Солнце было самым жестоким божеством. А что это за страшный глаз?

— Насколько я понял, — отвечал Фламбо, — у них такая теория. Крепкий духом вынесет что угодно. Символы их — солнце и огромный глаз. Они говорят, что истинно здоровый человек может прямо смотреть на солнце.

— Здоровому человеку, — заметил отец Браун, — это и в голову не придет.

— Ну, я что знал, то сказал, — беспечно откликнулся Фламбо. — Конечно, они считают, что их вера лечит все болезни тела.

— А лечит она единственную болезнь духа? — серьезно и взволнованно спросил отец Браун.

— Что же это за болезнь? — улыбнулся Фламбо.

— Уверенность в собственном здоровье, — ответил священник.

Тихая, маленькая контора больше привлекала Фламбо, чем сверкающее святилище. Как все южане, он отличался здравомыслием, вообразить себя мог лишь католиком или атеистом и к новым религиям — победным ли, призрачным ли — склонности не питал. Зато он питал склонность к людям, особенно — к красивым, а дамы, поселившиеся внизу, были еще и своеобразны. Там жили две сестры, обе — худые и темноволосые, одна к тому же — высокая ростом и прекрасная лицом. Профиль у нее был четкий, орлиный; таких, как она, всегда вспоминаешь в профиль, словно они отточенным клинком прорезают путь сквозь жизнь. Глаза ее сверкали скорее стальным, чем алмазным блеском, и держалась она прямо, так прямо, что несмотря на худобу изящной не была. Младшая сестра, ее укороченная тень, казалась тусклее, бледнее и незаметней. Обе носили строгие черные платья с мужскими манжетами и воротничками. В лондонских конторах — тысячи таких резковатых, энергичных женщин; но этих отличало не внешнее, известное всем, а истинное их положение.

Полина Стэси, старшая сестра, унаследовала герб, земли и очень много денег. Она росла в садах и замках, но, по холодной пылкости чувств, присущей современным женщинам, избрала иную, высшую, нелегкую жизнь. От денег она, однако, не отказалась — этот жест, достойный монахов и романтиков, претил ее трезвой деловитости. Деньги были ей нужны, чтобы служить обществу. Она открыла контору — как бы зародыш образцового машинного бюро, а остальное раздала лигам и комитетам, борющимся за то, чтобы женщины занимались именно такой работой. Никто не знал, в какой мере младшая, Джоан, разделяет этот несколько деловитый идеализм. Во всяком случае, за своей сестрой и начальницей она шла с собачьей преданностью, более приятной все же, чем твердость и бодрость старшей, и даже немного трагичной. Полина Стэси трагедий не знала; по-видимому, ей казалось, что их и не бывает.

Когда Фламбо встретил свою соседку впервые, сухая ее стремительность и холодный пыл сильно его позабавили. Он ждал внизу лифтера, который развозил жильцов по этажам. Но девушка с соколиными

глазами ждать не пожелала. Она резко сообщила, что сама разбирается в лифтах и не зависит от мальчишек, а кстати — и от мужчин. Жила она невысоко, но за считанные секунды довольно полно ознакомила сыщика со своими воззрениями, сводившимися к тому, что она — современная деловая женщина и любит современную, дельную технику. Ее черные глаза сверкали холодным гневом, когда она помянула тех, кто науку не ценит и вздыхает по ушедшей романтике. Каждый, говорила она, должен управлять любой машиной, как она управляет лифтом. Она чуть не вспыхнула, когда Фламбо открыл перед ней дверцу; а он поднялся к себе, вспоминая с улыбкой о такой взрывчатой самостоятельности.

Действительно, нрав у нее был пылкий, властный, раздражительный, и худые тонкие руки двигались так резко, словно она собиралась все разрушить. Как-то Фламбо зашел к ней, хотел что-то напечатать и увидел, что она швырнула на пол сестрины очки и давит их ногой. При этом она обличала «дурацкую медицину» и слабых, жалких людей, которые ей поддаются. Она кричала, чтобы сестра и не думала больше таскать домой всякую дрянь. Она вопрошала, не завести ли ей парик, или деревянную ногу, или стеклянный глаз; и собственные ее глаза сверкали стеклянным блеском.

Пораженный такой нетерпимостью, Фламбо не удержался и, рассудительный, как все французы, спросил ее, почему очки — признак слабости, а лифт — признак силы. Если наука вправе помогать нам, почему ей не помочь и на сей раз?

— Что тут общего! — надменно ответила Полина. — Да, мсье Фламбо, машины и моторы — признак силы. Техника пожирает пространство и презирает время. Все люди — и мы, женщины, — овладевают ею. Это возвышенно, это прекрасно, это — истинная наука. А всякие подпорки и припарки — отличительный знак малодушных! Доктора подсовывают нам костыли, словно мы родились калеками или рабами. Я не рабыня, мсье Фламбо. Люди думают, что все это нужно, потому что их учат страху, а не смелости и силе. Глупые няньки не дают детям смотреть на солнце, а потом никто и не может прямо на него смотреть. Я гляжу на звезды, буду глядеть и на эту. Солнце мне не хозяин, хочу — и смотрю!

— Ваши глаза ослепят солнце, — сказал Фламбо, кланяясь с иностранной учтивостью. Ему нравилось говорить комплименты этой странной, колючей красавице, отчасти потому, что она немного терялась. Но, поднимаясь на свой этаж, он глубоко вздохнул, присвистнул и проговорил про себя: «Значит, и она попала в лапы к этому знахарю с золотым глазом...» Как бы мало он ни знал о новой религии, как бы мало

ею ни интересовался, о том, что адепты ее глядят на солнце, он все же слышал.

Вскоре он заметил, что духовные узы между верхней и нижней конторой становятся все крепче. Тот, кто именовал себя Калоном, был поистине великолепен, как и подобает жрецу солнечного бога. Он был ненамного ниже Фламбо, но гораздо красивее. Золотой бородой, синими глазами, откинутой назад львиной гривой он походил как нельзя больше на белокурую бестию [4], воспетую Ницше, но животную его красоту смягчали, возвышали, просветляли мощный разум и сила духа. Он походил на саксонского короля, но такого, который прославился святостью. Этому не мешала деловая, будничная обстановка — контора в многоэтажном доме на Виктория-стрит, аккуратный и скучный клерк в приемной, медная табличка, золоченый глаз вроде рекламы окулиста. И тело его и душа сияли сквозь пошлость властной, вдохновенной силой. Всякий чувствовал при нем, что это — не мошенник, а мудрец. Даже в просторном полотняном костюме, который он носил в рабочие часы, он был необычен и величав. Когда же он славословил солнце в белых одеждах, с золотым обручем на голове, он был так прекрасен, что толпа, собравшаяся поглазеть на него, внезапно умолкала. Каждый день, три раза, новый солнцепоклонник выходил на небольшой балкон и перед всем Вестминстером молился своему сверкающему господину — на рассвете, в полдень и на закате. Часы еще не пробили двенадцать раз на башне парламента, колокола еще не отзвонили, когда отец Браун, друг Фламбо, впервые увидел белого жреца, поклонявшегося Аполлону.

Фламбо его видел не впервые и скрылся в высоком доме, не поглядев, идет ли за ним священник; а тот — из профессионального интереса к обрядам или из личного, очень сильного интереса к шутовству — загляделся на жреца, как загляделся бы на кукольный театр. Пророк, именуемый Калоном, в серебристо-белых одеждах стоял, воздев кверху руки, и его на удивление властный голос, читающий литанию, заполнял светливую, деловитую улицу. Вряд ли солнечный жрец что-нибудь видел; во всяком случае, он не видел маленького, круглолицого священника, который, помаргивая, глядел на него из толпы. Наверное, это и отличало друг от друга таких непохожих людей: отец Браун мигал всегда, на что бы ни смотрел; служитель Аполлона смотрел, не мигая, на полуденное солнце.

— О, солнце! — возглашал пророк. — Звезда, величайшая из всех звезд! Источник, безбурно струящийся в таинственное пространство! Ты, породившее всякую белизну — белое пламя, белый цветок, белый гребень волны! Отец, невиннейший невинных и безмятежных детей, первозданная

чистота, в чьем покое...

Что-то страшно затрещало, словно взорвалась ракета, и сразу же раздались пронзительные крики. Пять человек кинулись в дом, трое выбежало, и, столкнувшись, они оглушили друг друга громкой, сбивчивой речью. Над улицей повисла несказанная жуть, страшная весть, особенно страшная от того, что никто не знал, в чем дело. Все бегали и кричали, только двое стояли тихо: наверху — прекрасный жрец Аполлона, внизу — неприметный служитель Христа.

Наконец в дверях появился Фламбо, могучий великан, и небольшая толпа присмирела. Громко, как сирена в тумане, он приказал кому-то (или кому угодно) бежать за врачом и снова исчез в темном, забитом людьми проходе, а друг его, отец Браун, незаметно скользнул за ним. Нырряя сквозь толпу, он слышал глубокий, напевный голос, взывавший к радостному богу, другу цветов и ручейков.

Добравшись до места, священник увидел, что Фламбо и еще человек пять стоят у клетки, в которую обычно спускался лифт. Но его там не было. Там была та, которая обычно спускалась в лифте.

Фламбо уже четыре минуты глядел на разможенную голову и окровавленное тело красавицы, не признававшей трагедий. Он не сомневался, что это Полина Стэси, и хотя послал за доктором, не сомневался, что она мертва.

Ему никак не удавалось вспомнить, нравилась она ему или нет; скорее всего, она и привлекала его, и раздражала. Но он о ней думал; и невыносимо трогательный образ ее привычек и повадок пронзил его сердце крохотными кинжалами утраты. Он вспомнил ее нежное лицо и уверенные речи с той поразительной четкостью, в которой — вся горечь смерти. Мгновенно, как гром с ясного неба, как молния с высоты, прекрасная, гордая женщина низринулась в колодезь лифта и разбилась о дно. Что это, самоубийство? Нет, она слишком дерзко любила жизнь. Убийство? Кому же убить в полупустом доме? Хрипло и сбивчиво стал он спрашивать, где же этот Калон, и вдруг понял, что слова его не грозны, а жалобны. Тихий, ровный, глубокий голос ответил ему, что Калон уже четверть часа славит солнце у себя на балконе. Когда Фламбо услышал этот голос и ощутил руку на плече, он обратил к другу потемневшее лицо и резко спросил:

— Если его нет, кто же это сделал?

— Пойдем наверх, — сказал отец Браун. — Может, там узнаем. Полиция придет только через полчаса.

Препоручив врачам тело убитой, Фламбо кинулся в ее контору, никого не увидел и побежал к себе. Теперь он был очень бледен.

— Ее сестра, — сказал он другу с недоброй значительностью, — пошла погулять.

Отец Браун кивнул.

— Или поднялась к этому солнечному мужу, — предположил он. — Я бы на вашем месте это проверил, а уж потом мы все обсудим тут, у вас. Нет! — спохватился он. — Когда же я поумнею? Конечно, там, у них.

Фламбо ничего не понял, взглянул на него, но покорно проводил его в пустую контору. Загадочный пастырь сел в красное кожаное кресло у самого входа, откуда были видны и лестница, и все три площадки, и стал ждать. Вскоре по лестнице спустились трое, все — разные, все — одинаково важные. Первой шла Джоан, сестра покойной; значит, она и впрямь была наверху, во временном святилище солнца. Вторым шел солнечный жрец, завершивший славословия и спускавшийся по пустынным ступеням во всей своей славе; белым одеянием, бородой и расчесанной на две стороны гривой он напоминал Христа, выходящего из претории, с картины Доре [5]. Третьим шел мрачный, озадаченный Фламбо.

Джоан Стэси — хмурая и смуглая, седеющая раньше времени, направилась к своему столу и деловито шлепнула на него бумаги. Все очнулись. Если мисс Джоан и была убийцей, хладнокровие ей не изменило. Отец Браун взглянул на нее и, не отводя от нее глаз, обратился не к ней.

— Пророк, — сказал он, по-видимому, Калону, — я бы хотел, чтобы вы поподробнее рассказали мне о своей вере.

— С превеликой гордостью, — отвечал Калон, склоняя увенчанную голову. — Но я не совсем вас понимаю...

— Дело вот в чем, — простодушно и застенчиво начал священник. — Нас учат, что, если у кого-нибудь плохие, совсем плохие принципы, он в этом и сам виноват. Но все же мы меньше спросим с того, кто замутнил совесть софизмами. Считаете ли вы, что убивать нельзя?

— Это обвинение? — очень спокойно спросил Калон.

— Нет, — мягко ответил Браун, — это защита.

Все удивленно молчали. Жрец Аполлона поднялся медленно, как само солнце. Он заполнил комнату светом и силой, и казалось, что точно так же он заполнил бы Солсбери-Плейн. Всю комнату украсили белые складки его одежд, рука величаво простерлась вдаль, и маленький священник в старой сутане стал нелепым и неуместным, словно черная, круглая клякса на белом мраморе Эллады.

— Мы встретились, Кайафа [6]! — сказал пророк. — Кроме вашей церкви и моей, нет ничего на свете. Я поклоняюсь солнцу, вы — мраку. Вы

служите умирающему, я — живому богу. Вы подозреваете меня, выслеживаете, как и велит вам ваша вера. Все вы — ищайки и сыщики, злые соглядатаи, стремящиеся пыткой или подлостью вырвать у нас покаяние. Вы обвините человека в преступности, я обвиню его в невинности. Вы обвините его в грехе, я — в добродетели. Еще одно я скажу вам, читатель черных книг, прежде чем опровергнуть пустые, мерзкие домыслы. И в малой мере не понять вам, как безразличен мне ваш приговор. То, что вы зовете бедой и казнью, для меня — как чудище из детской сказки для взрослого человека. Мне так безразлично марево этой жизни, что я сам себя обвиню. Против меня есть одно свидетельство, и я назову его. Женщина, умершая сейчас, была мне подругой и возлюбленной — не по закону ваших игрушечных молелен, а по закону, который так чист и строг, что вам его не понять. Мы пребывали с ней в ином, не вашем мире, в сияющих чертогах, пока вы шныряли по тесным, запутанным проулкам. Я знаю, стражи порядка — и обычные, и церковные — считают, что нет любви без ненависти. Вот вам первый повод для обвинения. Но есть и второй, посерьезнее, и я не скрою его от вас. Полина не только любила меня, — сегодня утром, перед смертью, она за этим самым столом завещала моей церкви полмиллиона. Ну, где же оковы? Вам не понять, что мне безразличны ваши нелепые кары. В тюрьме я буду ждать, как на станции, скорого поезда к ней. Виселица доставит меня еще скорее.

Он говорил с ораторской властью, Фламбо и Джоан в немом восхищении глядели на него. Лицо отца Брауна выражало только глубокую печаль; он смотрел в пол, и лоб его прорезала морщина. Пророк, легко опершись о доску стола, завершал свою речь:

— Я изложил свое дело коротко, больше сказать нечего. Еще меньше слов понадобится мне, чтобы опровергнуть обвинение. Правда проста: убить я не мог. Полина Стэси упала с этого этажа в пять минут первого. Человек сто подтвердят под присягой, что я стоял на своем балконе с двенадцати, ровно четверть часа. Я всегда совершаю в это время молитву на глазах у всего света. Мой клерк, простой и честный человек, никак со мной не связанный, скажет, что сидел в приемной все утро, и никто от меня не выходил. Он скажет, что я пришел без четверти двенадцать, когда о несчастье никто еще не думал, и не уходил с тех пор из конторы. Такого полного алиби ни у кого не было: показания в мою пользу даст весь Вестминстер. Как видите, оков не нужно. Дело закончено.

Но под конец я скажу вам все, что вы хотите выведать, и разгоню последние клочья нелепейшего подозрения. Мне кажется, я знаю, как умерла моя несчастная подруга. Воля ваша, вините в том меня, или мое

учение, или мою веру. Но обвинить меня в суде нельзя. Все, прикоснувшиеся к высшим истинам, знают, что люди, достигшие высоких степеней посвящения, обретали иногда дар левитации, умели держаться в воздухе. Это лишь часть той победы над материей, на которой зиждется наша сокровенная мудрость. Несчастливая Полина была порывиста и горда. По правде говоря, она постигла тайны не так глубоко, как думала. Когда мы спускались в лифте, она часто мне говорила, что, если воля твоя сильна, ты слетишь вниз, как перышко. Я искренне верю, что, воспаривши духом, она дерзновенно понадеялась на чудо. Но воля или вера изменили ей, и низший закон, страшный закон материи, взял свое. Вот и все, господа. Это печально, а по-вашему — и самонадеянно, и дурно, но преступления здесь нет, и я тут ни при чем. В отчете для полиции лучше назвать это самоубийством. Я же всегда назову это ошибкой подвижницы, стремившейся к большему знанию и к высшей, небесной жизни.

Фламбо впервые видел, что друг его побежден. Отец Браун сидел тихо и глядел в пол, страдальчески хмурясь, словно стыдился чего-то. Трудно было бороться с ощущением, которое так властно поддерживали крылатые слова пророка: тот, кому положено подозревать людей, побежден гордым, чистым духом свободы и здоровья. Наконец священник сказал, моргая часто, как от боли:

— Ну что ж, если так, берите это завещание. Где же она, бедняжка, его оставила?

— На столе, у двери, — сказал Калон с той весомой простотой, которая сама по себе оправдывала его. — Она мне говорила, что напишет сегодня утром, да я и сам видел ее, когда поднимался на лифте к себе.

— Дверь была открыта? — спросил священник, глядя на уголок ковра.

— Да, — спокойно ответил Калон.

— Так ее и не закрыли... — сказал отец Браун, прилежно изучая ковер.

— Вот какая-то бумажка, — проговорила непонятным тоном мрачная Джоан Стэси. Она прошла к столу сестры и взяла листок голубой бумаги. Брезгливая ее улыбка совсем не подходила к случаю, и Фламбо нахмурился, взглянув на нее.

Пророк стоял в стороне с тем царственным безразличием, которое его всегда выручало. Бумагу взял Фламбо и стал ее читать, все больше удивляясь. Поначалу было написано, как надо, но после слов «отдаю и завещаю все, чем владею в день смерти» буквы внезапно сменялись царапинами, а подписи вообще не было. Фламбо в полном изумлении протянул это другу, тот посмотрел и молча передал служителю солнца.

Секунды не прошло, как жрец, взвихрив белые одежды, двумя

прыжками подскочил к Джоан Стэси. Синие его глаза вылезли из орбит.

— Что это за шутки? — орал он. — Полина больше написала!

Страшно было слышать его новый, по-американски резкий говор. И величие, и велеречивость упали с него, как плащ.

— На столе ничего другого нет, — сказала Джоан и все с той же благосклонно-язвительной улыбкой прямо посмотрела на него.

Он разразился мерзкой, немислимой бранью. Страшно и стыдно было видеть, как упала с него маска, словно отвалилось лицо.

— Эй, вы! — заорал он, отбранившись. — Может, я и мошенник, а вы — убийца! Вот вам и разгадка, без всяких этих левитаций! Девочка писала завещание... оставляла все мне... эта мерзавка вошла... вырвала перо... потащила ее к колодцу и столкнула! Да, без наручников не обойдемся!

— Как вы справедливо заметили, — с недобрим спокойствием произнесла мисс Джоан, — ваш клерк — человек честный и верит в присягу. Он скажет в любом суде, что я приводила в порядок бумаги за пять минут до смерти сестры и через пять минут после ее смерти. Мистер Фламбо тоже скажет, что застал меня там, у вас.

Все помолчали.

— Значит, Полина была одна! — воскликнул Фламбо. — Она покончила с собой!

— Она была одна, — сказал отец Браун, — но с собой не покончила.

— Как же она умерла? — нетерпеливо спросил Фламбо.

— Ее убили.

— Так она же была одна! — возразил сыщик.

— Ее убили, когда она была одна, — ответил священник.

Все глядели на него, но он сидел так же тихо, отрешенно, и круглое лицо его хмурилось, словно он горевал о ком-то или за кого-то стыдился. Голос его был ровен и печален.

Калон снова выругался.

— Нет, вы скажите, — крикнул он, — когда придут за этой кровожадной гадиной? Убила родную сестру, украла у меня полмиллиона...

— Ладно, ладно, пророк, — усмехнулся Фламбо, — чего там, этот мир — только марево...

Служитель солнечного бога попытался снова влезть на пьедестал.

— Не в деньгах дело! — возгласил он. — Конечно, на них я распространил бы учение по всему свету. Но главное — воля моей возлюбленной. Для нее это было святыней. Полина видела...

Отец Браун вскочил, кресло зашаталось. Он был страшно бледен, но

весь светился надеждой, и глаза его сияли.

— Вот! — звонко воскликнул он. — С этого и начнем! Полина видела...

Высокий жрец суетливо, как сумасшедший, попятился перед маленьким священником.

— Что такое? — визгливо повторял он. — Да как вы смеете?

— Полина видела... — снова сказал священник, и глаза его засияли еще ярче. — Говорите... ради Бога скажите все! Самому гнусному преступнику, совращенному бесом, становится легче после исповеди. Покайтесь, я очень вас прошу! Как видела Полина?

— Пустите меня, черт вас дери! — орал Калон, словно связанный гигант. — Какое вам дело? Ищейка! Паук! Что вы меня путаете?

— Схватить его? — спросил Фламбо, кидаясь к выходу, ибо Калон широко распахнул дверь.

— Нет, пусть идет, — сказал отец Браун и вздохнул так глубоко, словно печаль его всколыхнула глубины Вселенной. — Пусть Каин идет, он — Божий.

Когда он уходил, все молчали, и быстрый разум Фламбо томился в недоумении. Мисс Джоан с превеликим спокойствием прибирала бумаги на своем столе.

— Отец, — сказал наконец Фламбо, — это долг мой, не только любопытство... Я должен узнать, если можно, кто совершил преступление.

— Какое? — спросил священник.

— То, которое сегодня случилось, — отвечал его порывистый друг.

— Сегодня случилось два преступления, — сказал отец Браун. — Они очень разные, и совершили их разные люди.

Мисс Джоан сложила бумаги, отодвинула их и стала запираеть шкаф. Отец Браун продолжал, обращая на нее не больше внимания, чем она обращала на него.

— Оба преступника, — говорил он, — воспользовались одним и тем же свойством одного и того же человека, и боролись они за одни и те же деньги. Преступник покрупнее споткнулся о преступника помельче, и деньги получил тот.

— Не тяните вы, как на лекции, — взмолился Фламбо. — Скажите попросту.

— Я скажу совсем просто, — согласился его друг.

Мисс Джоан, деловито и невесело хмурясь, надела перед зеркальцем невеселую, деловитую шляпку, неторопливо взяла сумку и зонтик и вышла из комнаты.

— Правда очень проста, — сказал отец Браун. — Полина Стэси слепла.

— Слепла... — повторил Фламбо, медленно встал и распрямился во весь свой огромный рост.

— Это у них в роду, — продолжал отец Браун. — Сестра носила бы очки, но она ей не давала. У нее ведь такая философия, или такое суеверие... она считала, что слабость нужно преодолеть. Она не признавала, что туман сгущается, хотела разогнать его волей. От напряжения она слепла еще больше, но самое трудное было впереди. Этот несчастный пророк, или как его там, заставил ее глядеть на огненное солнце. Они это называли «вкушать Аполлона». О, Господи, если бы эти новые язычники просто подражали старым! Те хоть знали, что в чистом, беспримесном поклонении природе немало жестокого. Они знали, что око Аполлона может погубить и ослепить [2].

Священник помолчал, потом начал снова, тихо и даже с трудом:

— Не пойму, сознательно ли ослепил ее этот дьявол, но слепотой он воспользовался сознательно. Убил он ее так просто, что невозможно об этом подумать. Вы знаете, оба они спускались и поднимались на лифте сами; знаете вы и то, как тихо эти лифты скользят. Калон поднялся до ее этажа и увидел в открытую дверь, что она медленно, выводя буквы по памяти, пишет завещание. Он весело крикнул, что лифт ее ждет, и позвал, когда она допишет, к себе. А сам нажал кнопку, беззвучно поднялся выше и молился в полной безопасности, когда она, бедная, кончила писать, побежала в лифт, чтобы скорей попасть к возлюбленному, и ступила...

— Не надо! — крикнул Фламбо.

— За то, что он нажал кнопку, он получил бы полмиллиона, — продолжал низкорослый священник тем ровным голосом, которым он всегда говорил о страшных вещах. — Но ничего не вышло. Не вышло ничего потому, что еще один человек хотел этих денег и знал о Полининой болезни. Вот вы не заметили в завещании такой странности: оно не дописано и не подписано, а подписи свидетелей — Джоан и служанки — там стоят. Джоан подписалась первой и с женским пренебрежением к формальностям сказала, что сестра подпишется потом. Значит, она хотела, чтобы сестра подписалась без настоящих, чужих свидетелей. С чего бы это? Я вспомнил, что Полина слепла, и понял: Джоан хотела, чтобы ее подписи вообще не было.

Такие женщины всегда пишут вечным пером, а Полина и не могла писать иначе. Привычка, и воля, и память помогали ей писать совсем хорошо; но она не знала, есть ли в ручке чернила. Наполняла ручку сестра

— а на сей раз не наполнила. Чернил хватило на несколько строк, потом они кончились. Пророк потерял пятьсот тысяч фунтов и совершил зря самое страшное и гениальное преступление на свете.

Фламбо подошел к открытым дверям и услышал, что по лестнице идет полиция. Он обернулся и сказал:

— Как же вы ко всему присматривались, если так быстро его разоблачили!

Отец Браун удивился.

— Его? — переспросил он. — Да нет! Мне было трудно с этой ручкой и с мисс Джоан. Что Калон преступник, я знал еще там, на улице.

— Вы шутите? — спросил Фламбо.

— Нет, не шучу, — отвечал священник. — Я знал, что он преступник раньше, чем узнал, каково его преступление.

— Как это? — спросил Фламбо.

— Языческих стоиков, — задумчиво сказал отец Браун, — всегда подводит их сила. Раздался грохот, поднялся крик, а жрец Аполлона не замолчал и не обернулся. Я не знал, что случилось; но я понял, что он этого ждал.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Неведение отца Брауна»](#)

Note1

Единственный намек на имя отца Брауна. Предполагается, что имя это «Джон», по аналогии с прототипом Брауна, отцом Джоном О'Коннором.

Note2

Св. Франциск Ксаверий (1506 — 1552) — крупнейший миссионер иезуитского ордена; Честертон посвятил ему стихотворение, отмеченное в школе Сент-Полз Милтоновской премией.

Note3

Религиозное движение в англиканстве, основано Мэри Бейкер Эдди (1821 — 1910). Ее доктрина изложена в книге «Наука и здоровье, или Ключ к Писанию» (1886). В 1875 г. последователи М. Б. Эдди организовались в секту. Это учение признает Бога как «бесконечный разум» и считает нереальным существование физических болезней. Ср. критику «Христианской науки» в рассказе Честертона «Сломанная шпага» и в некоторых рассказах из сборника «Недоверчивость отца Брауна».

Note4

Романтический образ ницшеанской языческой культурологи; воплощение арийского духа и воинствующего пафоса древнегерманской мифологии.

Note5

Гюстав Доре (1832 — 1883), французский живописец-график, автор многочисленных иллюстраций к изданиям классики (Данте, Рабле, Сервантес, Свифт), а также к Библии. Сюжет упомянутой картины восходит к евангельскому тексту: допрос Иисуса Христа Понтием Пилатом. Ин., 18, 28 и далее.

Note6

иерусалимский первосвященник; дал совет иудеям «лучше одному человеку умереть за народ», подстрекая народ к казни Христа. Ин., 18, 14.

Note7

Речь идет о солнечных стрелах бога Аполлона, которыми он сразил великана Тития и циклопов.